

ТАТЬЯНА
СЕМАКОВА

Сезон
ОХОТЫ

Татьяна Семакова

Сезон охоты

<https://litres.ru/74212712>

Аннотация

Подполковник Карелин давно оставил попытку устроить личную жизнь и сосредоточился на работе. Но тут появляется она. Настырная, дерзкая и, на его беду, со связями. И теперь ему предстоит отправиться на охотничью базу с целью выяснения обстоятельств гибели её биологического отца. Он знает наверняка - несчастный случай. Но она утверждает обратное и готова стоять на своем до пульса в нитку. Что выбрать? Задавить её логикой и здравомыслием или выслушать и допустить вероятность? Зависит от того, как скоро она спрячет колючки и покажет себя настоящую.

ХЭ

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1. Евгения	9
Глава 2. Мирон	22
Глава 3. Мирон	35
Глава 4. Мирон	49
Глава 5. Мирон	66
Конец ознакомительного фрагмента.	74

ПРОЛОГ

При одном только упоминании о наглой девице в груди начинает зарождаться глухое раздражение. И после того, как руководитель озвучивает причину вызова на ковер, я готовлюсь распрощаться с работой. Потому что отвечаю коротко и безапелляционно:

– Нет. – Прикинув, что, несмотря на доверительные и дружелюбные отношения в коллективе, субординацию никто не отменял, я добавляю: – При всем уважении, Андрей Саныч. Я на это не пойду.

– Только у тебя не отгулянный отпуск, – отмечает Новиков.

– Допустим, – не спорю я. – Назовите хоть одну причину, по которой я должен тратить его на капризы избалованной взбалмошной девчонки.

Новиков морщится и переводит взгляд с моего лица на стену.

– Боюсь, Мирон, дело уже не только в капризах. – Руководитель управления трагично вздыхает. – Девушка пошла на крайние меры.

– Какие? – нагло хмыкаю я. – Приковала себя к входной двери?

– Попросила о содействии отчима, – сообщает Новиков, мрачняя.

– И кто у нас отчим? – настораживаюсь я.

– Важно не кто отчим, а какие у него связи. – Новиков хмурит кустистые изогнутые брови, от чего они становятся похожи на двух корчащихся в припадке гусениц медведицы-кайя. Не самые приятные ассоциации. – Мне поступил звонок из Москвы. Делом нужно заняться незамедлительно.

– Да какое дело, Андрей Саныч? – морщусь я. – Да если б было дело, уже давно бы занялись.

– Поэтому ты и берешь отпуск, – гремит Новиков, включив начальника. Я поплотнее смыкаю зубы и жду ультиматума, после которого звоню брату и напрашиваюсь к нему на работу, но Саныч удивляет. – Некого мне больше послать, Мирон, – говорит он, выпучив глаза и разведя руками. – Некого, понимаешь? Официально не могу, потому что дела как такового нет, неофициально – только ты. Отметишься, наглядно ей все покажешь, расскажешь. Девушка успокоится и начнет жить дальше. Надеюсь, так счастливо, что навсегда забудет сюда дорогу.

– Я ее придушу, – говорю я предельно откровенно. – И тогда вам все равно придется посылать туда кого-то еще.

Новиков одаривает меня укоризненным взглядом и недовольно растягивает губы, хотя я убежден, за последний месяц сам неоднократно представлял этот светлый миг.

– Разговор окончен, – произносит он жестко, и мне приходится выметаться.

Только сажусь за свой стол, раздается звонок. Снимаю

трубку стационарного телефона и слышу голос Некрасова:

– Занеси заявление на отпуск и сделай прививку от энцефалита. Сегодня же. От бешенства вакцинирован?

– Нет, – отвечаю я, конкретно так напрягшись.

– Ну, даст Бог, не понадобится, – радуется ответом начальник и прерывает звонок.

Изумительно.

Через семь минут я уже покидаю враз ставшие враждебно настроенными стены и шефа, под нос которого легло мое заявление на отпуск в издевательские двадцать девять календарных дней. Достаяю мобильный и звоню брату.

– Приколись, у меня тоже отпуск, – радую я его, забыв поздороваться.

– Если ты притащишь свой зад к нам, я закопаю тебя на берегу, – обещает Тихон, кайфующий в свадебном путешествии без детей. – По шею, но с приливом будешь сам договариваться.

– Предпочитаю необузданную дикую природу, охоту, рыбалку и клещей, знаешь ли, – отвечаю я ворчливо.

– Что у тебя? – напрягается брат, отлично зная мое отношение к подобному времяпрепровождению.

– Да забей, – отмахиваюсь я и прыгаю за руль. – Одна богатенькая сучка надавила на шефа через голову и теперь мне предстоит увлекательное путешествие на дрянную турбазу с целью выявления обстоятельств гибели ее биологического отца.

– В чем подвох?

– В том, что патолог подтвердил – несчастный случай. Но нет, эта настырная коза таскалась в управление целый месяц, а когда не получалось попасть на прием, караулила все рожи, которые только могла найти на официальном сайте, то есть, по сути, весь руководящий состав. В печенках уже у всех ее пафосные речи о том, что охотник с таким стажем не мог так нелепо упасть и разбить голову о камень. Его непременно должны были толкнуть, понимаешь! А подвернутая прямо перед смертью лодыжка и крутой склон со следами падения и его крови – это так. На все похер, только ее экспертное, – ехидно коверкаю я слово, – мнение единственно верное.

– Покажи, – посмеивается Тихон.

– Че те показать? – рыкаю я еще более раздраженно. Потому что понял, к чему он подводит. – Не на что там смотреть.

– И все же, – настаивает брат.

Чтобы только отвалил, я пересылаю фотографию девчонки, сделанную из окна кабинета пару недель назад. Ее же я присылал Новикову, чтобы предупредить о поджидающей его за углом головной боли.

Пересылаю и удаляю из памяти телефона, напрочь забыв сделать это сразу же.

– Повеселись там, – уже откровенно давится смехом Тихон. – Мне пора. Жена ждет, когда я принесу ей бокальчик холодного шампанского и фрукты на супружеское ложе на

пляже.

– У вас кровать на пляже? – переспрашиваю я не то с удивлением, не то с завистью.

– Мы в свадебном путешествии, брат. Любая горизонтальная поверхность – супружеское ложе. На связи.

Я нажимаю отбой и какое-то время залипаю на приборке с улыбкой. Опомившись, рулю в ближайшую поликлинику, намереваясь покончить с этим нелепым расследованием в кратчайшие сроки.

Глава 1. Евгения

– Мне пора выезжать, – бегло взглянув на наручные часы, говорю я. Заталкиваю в рот остатки бутерброда и поднимаюсь, допивая кофе по пути к раковине. – Где ключ? – оборачиваюсь к Никите.

– Слушай, об этом, – морщится жених. – Давай на своей, окей? Дождей не было, проедешь. Мне в твой капсуле тесно.

– Окей, – отвечаю я просто и встаю к нему спиной, чтобы скрыть разочарование в глазах и вымыть чашку, которой не собиралась касаться до возвращения.

Да, действительно, дождей не было уже два дня. В городе сухо. Но сейчас осень и рассчитывать на то, что дорогу не развезло не приходится. Ладно, как-нибудь. Спорить еще и с ним нет ни малейшего желания.

– Ты надолго? – с ленцой спрашивает Никита, выйдя проводить меня в коридор.

– На пару дней точно, – отчитываюсь я, шнуруя высокие походные ботинки.

– Вот бы ты с таким же энтузиазмом делала хоть что-нибудь по дому, – подшучивает он надо мной, поцеловав в губы.

– К счастью для нас обоих, ты достаточно зарабатываешь, чтобы вызвать клининг, – ухмыляюсь я через силу, поднимая с пола спортивную сумку с вещами. – Пока.

– Набери, как доберешься, – проявляет он толику заботы.

«Если», – поправляю его мысленно, но от намеченного плана не отступаю.

Не для того я месяц осаждала Следственный Комитет, чтобы, наконец-то добившись хоть каких-то телодвижений, остаться дома. О, нет. Я лично прослежу, что будет произведен хотя бы тщательный осмотр места, где погиб папа. Обещали прислать опытного следователя. Аж подполковника. Если уж он ничего не найдет, тогда придется принять условие отчима и сосредоточиться на грядущем счастливом событии. Моей свадьбе.

Вообще, особенной радости по этому поводу я не испытываю. Впрочем, как и отторжения. Да, любви нет и в помине, но Никита – хорошая партия. Он весьма привлекателен и приходится родным сыном компаньону моего отчима. И раз уж я пошла наперекор судьбе и участия в семейном деле не принимаю, хотя бы замуж выйти обязана без урона для него. Тем более что других кандидатов на роль спутника жизни у меня нет и в свои двадцать пять я ни разу всерьез не влюблялась. Да и есть она, эта любовь? Посмотреть на моих родителей и возникают большие сомнения.

Первые пять лет своей жизни я провела на турбазе. Папе она досталась в наследство, другой жизни он и не знал, но однажды в городе встретил мою маму и утащил ее в свою берлогу. Кстати, она так и называется. «Берлога».

Как рассказывала мама, их отношения протекали бурно

и не без последствий. Я появилась на свет спустя год с момента их встречи, в браке они не были и не слишком-то топились. И вот однажды на базу в качестве гостя прибыл Игорь. Отдохнуть в глуши от городской суеты и бешеного ритма жизни успешного бизнесмена. Спустя неделю он уехал с нее с трофеем в виде моей матери и бесплатным приложением (мной). Против его состояния у папы не было ни единого шанса.

Как это характеризует мою мать? Я стараюсь не думать. Их жизни, их дело. Я люблю обоих своих родителей в их естественном обличии (папа тоже был не без изъянов). И искренне привязана к Игорю, обеспечившему мое безбедное существование. Так что, эта помолвка скорее попытка вернуть должок, который я всю сознательную жизнь за собой ощущаю. Да, Никита не идеален, но и я, будем говорить откровенно, на подарок не тяну.

Первые четыре часа пути проходят как по маслу. На закате, так и не успев достигнуть ближайшего к базе села, останавливаюсь. Выхожу из машины, пересекаю равнину и взбираюсь на не крутой холм, потратив на это около получаса. Делаю глубокий вдох, расставляю руки в стороны, поворачиваюсь вокруг своей оси и наслаждаюсь открывшимися видами, пока солнышко не прячется за горой.

Ничуть не жалея о заминке, возвращаюсь к машине. Уже по темноте съезжаю с шоссе и врубаю дальний свет фар, с неудовольствием отмечая, что дорогу-таки развезло. При

этом, вблизи гор она извивается, как змея, и на каждом новом повороте приходится серьезно сбавлять скорость. Логично, что на одном из них я вязну так, что ни вперед, ни назад.

– Отлично, – произношу я недовольно и лезу за телефоном.

Который, разумеется, не ловит.

На базе есть усилитель сигнала, а тут... разве что попробовать залезть повыше. Это – единственный вариант, учитывая, что до места еще около пятнадцати километров.

Затолкав мобильный под резинку спортивных леггинсов, я решительно выхожу из машины. В десятке метров от того места, где встряла, нахожу более-менее пологий склон и начинаю карабкаться вверх, цепляясь за мох и острые камни. Успеваю даже порадоваться первым успехам, как вдруг одна моя нога теряет опору и вместе с лавиной камней я скатываюсь обратно и приземляюсь прямиком в грязищу на дороге, так сильно ударившись копчиком, что на несколько секунд теряю контроль над телом и слезными железами. Если попросту, хнычу, как маленькая, свернувшись калачиком.

Когда получается сделать полноценный вдох, понимаю, что чудовищно перепачкалась. Встаю, вытираю ладони о единственно чистое место на груди и повторяю попытку. И когда мне наконец-то удастся подняться на пару десятков метров повыше, где растительности становится гораздо больше, я чувствую себя прямо-таки героиней.

Вытираю руки о траву, с замиранием сердца достаю мобильный и облегченно выдыхаю: сеть.

– Алло! – встревоженно отвечает Анна на мой вызов.

– Анют, привет, – невольно повышаю я голос, будто пытаюсь докричаться до нее. – Михаил, случаем, не на базе?

– Нет, а что такое? – еще сильнее нервничает женщина.

– Да я... встряла, – обреченно выдуваю я. – А следовательно не приехал? Должен был сегодня.

– Нет, Женечка, я одна. Ты далеко? Совсем плохо слышно! Давай я Айдару наберу? Алло! Женя!

– Алло, Анют! Слышно меня?

– Ничего не слышно, ты пропадаешь! Женя? Женя! Да что ж такое... Айдару набрать?

– Да! – рывкаю я так, что моя попа сползает по склону.

– Женя! Не... – дальше мне прямо в ухо бьют какие-то чудовищные булькающие звуки. Я кривлюсь и отодвигаю телефон подальше, а снизу вдруг раздается автомобильный гудок. – Женя! – снова прорывается голос Анны.

– Топи баню! – командую я.

– Поняла! Жду! – бойко отвечает женщина.

– Это она услышала, – ворчу я, сунув телефон обратно под резинку леггинсов и начав аккуратно спускаться.

Еще на полпути меня поторапливают автомобильным гудком, а я уже начинаю сомневаться, что правильно сложила два плюс два. А что, если это вовсе не следовательно? Какой-нибудь случайный турист, рассчитывающий переноче-

вать на турбазе. Одинокий мужчина или, еще хуже, группа мужчин... Охотники – частые гости в наших краях. Так уж ли мне надо спускаться? С другой стороны, придется: он-то точно уже никуда не денется. Разъехаться можно только через километр, раньше никак. Развернуться тоже не выйдет. Вот я влипла...

Спускаюсь еще метров на пять, пытаюсь разглядеть, кто там в машине. И вдруг с очередным внезапным гудком дергаюсь. Правая нога проскальзывает по склону, я срываюсь и оставшиеся семь метров преодолеваю гораздо быстрее, чем планировала. Ударившись всем, чем только можно, я вновь приземляюсь в грязевую лужу и слабо стону от боли.

– Жива? – спрашивает мужчина, нависнув надо мной.

Я вскидываю голову и на всякий случай заталкиваю подалеже все рвущиеся из самых недр души нелестные эпитеты в отношении его несдержанности.

Это не следователь.

Следователи *такими* не бывают.

Я не знаю, что этот бандюга в кожанке поверх белоснежной футболки забыл в такой глуши, но торчащая из-под куртки кобура не предвещает ничего хорошего.

– Ау! Головой приложилась? – с иезуитской улыбочкой уточняет мужчина. – Ключи давай.

– От чего? – опасливо уточняю я.

– От твоего сердечка, – ехидничает мужчина. – От машины, – рычит глухо, нахмурившись. – Или ты планируешь за-

ночевать в луже?

Так, ладно, спорить тут явно бессмысленно. Я с некоторыми трудностями встаю и оттопыриваю резинку леггинсов. Тянусь чудовищно грязной рукой к пока еще чистенькому брелку, а мужик вдруг ныряет за ним своей лапищей.

– Какого?! – восклицаю я возмущенно.

– Грязь из замка как потом доставать? – бурчит он и садится в мою машину.

Зерно истины в его словах, конечно, есть, а вот чувство такта отсутствует напрочь. Можно же хотя бы предупредить, что, фактически, в трусы мне собирается залезть? Варвар. И по-прежнему неясно кто такой и откуда взялся.

– А вы тут по какой необходимости? – деликатно осведомляюсь я, когда он, предприняв безуспешную попытку выехать, выходит из машины.

– Подполковник юстиции старший следователь второго отдела по особо важным делам Карелин Мирон Владимирович, – скороговоркой проговаривает он, попутно доставая из внутреннего кармана куртки свое удостоверение. И, естественно, раскрывая его перед самым моим носом. – Прибыл по вашему указанию, – добавляет он не без ехидства.

Он захлопывает удостоверение и наклоняется над колесом. Отвинчивает колпачок, достает из заднего кармана джинсов связку ключей и одним из них давит на золотник, стравливая давление в шинах. Затем вновь устраивается за рулем и через полминуты спасает мою хоть и красивую, но

абсолютно не приспособленную для подобных путешествий машину.

– Не благодари, – бросает он мне прежде, чем я успеваю сказать хоть слово.

Обходит меня по крутому радиусу, заостряя внимание на моем более, чем неопрятном виде, и садится в свою машину. Я прикидываю, что бы такого подстелить, чтобы не заляпать салон, а он требовательно сигналист.

Ну что за мерзавец?! И вот от такого человека зависит мой единственный шанс докопаться до правды?!

– Не можешь сесть, пока кто-нибудь не откроет тебе дверь? – выкрикивает следователь, приоткрыв окно. – Тогда у меня для тебя плохая новость!

– Да пошел ты! – огрызаюсь я, повернув голову и сопроводив слова соответствующим жестом.

Он включает дальний свет фар, а я, окончательно выйдя из себя, приседаю, хватаю приличный мягкий ком грязи и швыряю ему прямо в лобовое стекло.

Когда он вылетает из машины, немного жалею о содеянном. Ладно, сильно: выглядит он так, будто совсем скоро мой палец окажется там, где ему совсем не место. Но он, попыхтев, идет к багажнику, достает тряпку и бутылку воды и стирает мешающий вождению грязевой след. После – подходит ко мне и тычет пальцем за мою спину.

– Если ты сейчас же не сядешь в машину, тут действительно будет что расследовать, – шипит он гневно.

– Если бы меня хоть раз кто-нибудь выслушал, прежде чем заткнуть рот отчетом патологоанатома, вам бы не пришлось работать с пинка, – парирую я со слышимой обидой в голосе. Клянусь, даже губы надуваются. Хотя, обычно мне удается держать лицо.

Мазнув по нему разочарованным взглядом, я устраиваюсь за рулем и проезжаю еще около километра без приключений. И встречаю еще хлеще.

«Только не плачь, только не плачь!», – повторяю я, как мантру, видя через зеркало, что следователь покинул свою машину.

Делаю глубокий вдох и опускаю стекло, готовясь к его очередному выпад.

– Просто любопытно, – произносит он задумчиво. – Ты издеваешься?

– Похоже, что происходящее доставляет мне удовольствие? – огрызаюсь я, повернув к нему голову.

– Раньше ты как доезжала? – укоризненно, но спокойно уточняет он, наклонившись и положив ладони на крышу. – Батя на тракторе встречал?

– Раньше у меня была другая машина, – отвечаю я хмуро. – На которой я без проблем проезжала в любое время года.

– И что же с ней стало?

– Мне подарили эту и было грубо... – начинаю было я, но замолкаю. Какое ему до этого дело?! – Вы можете или как? – спрашиваю я дерзко.

– Волшебное слово, – ехидно ухмыляется следователь.

– Вам придется, – растягиваю я губы в неискренней улыбке. – Вряд ли ваш начальник придет в восторг от отчета с пометкой «не смог проехать».

– Манерам тебя явно забыли научить, – хмыкает Карелин и отталкивается руками от крыши.

Он идет к своей машине, на ходу снимая куртку и кобур, а я хмурюсь, наблюдая за его приготовлениями. Когда он возвращается и начинает руками раскачивать мою машину, говорю в окно:

– Сзади есть буксировочная петля.

– Ну давай воспользуемся, если хочешь, чтобы я улетел с обрыва и потащил тебя за собой. Это решит сразу все проблемы.

Я осматриваю очередной крутой поворот, на котором застряла, и мысленно соглашаюсь.

– Мне газовать или что? – бурчу я негромко, продолжая покачиваться в машине, как на волнах. Довольно приятно, хотя, уже слегка подташнивает.

– По команде. – Он еще какое-то время раскачивает автомобиль, а я потею от напряжения, зависнув ногой над педалью. – Жми!

Я поддаю газу и машина выныривает из вязкой грязевой жижи. Но самое прекрасное в этот моменте совсем другое. Футболка, джинсы и даже лицо следователя оказываются покрыты приличным слоем грязи. Так хорошо вдруг становит-

ся, что не могу сдержатъ блаженной улыбочки даже когда он подходит к водительской двери.

– Вам так идет, – говорю я душевно, положив ладонь на сердце.

– Вылезай давай, – неожиданно смеется он, а я растерянно хлопаю ресницами, поразившись, как сильно изменилось его лицо. Теперь он похож не на главного героя криминальной сводки, а на парня с обложки журнала о спорте. Как под гипнозом я выхожу из машины, неотрывно пялясь на него. И он будто нарочно задирает футболку, перекрутив ее чистой стороной вперед, и вытирает ей лицо. – Поменяемся тачками, так можно до рассвета упражняться, – говорит он, наконец-то прикрыв все свои кубики.

– Вы разрешите мне сесть за руль своей машины? – ошалело уточняю я.

– В отчете же не напишешь «зажал тачку», – хмыкает он, возвращаясь к первоначальному образу.

Он забирает из своей машины только кобуру с пистолетом, а потом разгоняется на моей так, что я боюсь упустить его на каждом повороте. Но за рулем полноприводного автомобиля с высоким клиренсом чувствую себя намного увереннее. И на этот раз до базы мы доезжаем без остановок.

– Женя! – ахает встречающая нас Анна. – Скорее в баню, скорее! – поторапливает она меня. – Пока не заболела! А это кто? – изумленно хлопает она ресницами, когда из машины выходит Карелин.

– Не поверишь, – хмыкаю я.

– Тот следователь? Какой интересный мужчина, – заговорщицки шепчет Анна, легонько подталкивая меня локтем.

– Я, вообще-то, помолвлена, – бурча я, прежде чем следователь подходит.

– Есть где умыться? – спрашивает он, поздоровавшись и представившись.

– Конечно, я покажу, – тараторит Анна, уводя его к главному зданию. – Помыться, правда, только в бане, у нас довольно скромно. Но приезжают в основном охотники, цены демократичные, всех все устраивает.

Я с тоской слушаю ее болтовню, пока они не заходят в здание. Что мне теперь со всем этим делать? Без папы это место будто потеряло душу. Да и уход требуется круглогодичный, мужчина нужен в штате, с руками и надежный. Михаил, младший брат Анны, отказался, местным доверия никакого, а нанимать управляющего мне попросту не на что: дохода база почти не приносит.

Понуро опустив голову, плетусь в баню.

Единственный адекватный вариант – продажа. Но я даже представлять не хочу, как сообщу об этом Анне.

Они с братом оказались на базе, когда ей было пятнадцать, а ему – девять. Мой дедушка приютил их, когда их папа, егерь из примыкающих к турбазе общедоступных охотугодий, внезапно скончался. Папе на тот момент было столько же, сколько мне сейчас, а меня самой не было даже в проек-

те. Куда я ее выставлю? Какое моральное право имею?

Ко всему прочему, Анна просто приятный человек. Она очень добрая и абсолютно безотказная. Улыбчивая, красивая, хозяйственная. Если папа был душой базы, то она, без преувеличения, сердцем. Но она не потянет.

Одна у меня была надежда, что Миша все же переедет. Он и без того довольно часто бывал тут, помочь моему папе и навестить сестру, но, похоже, в городе ему лучше. Он отслужил в армии, отучился на плотника и сейчас у него своя маленькая мастерская.

Так и не придумав ничего путного, но тщательно вымывшись и основательно прогретшись, я бегом припускаюсь к главному зданию, придерживая на груди банное полотенце. И чуть только влетаю в помещение, практически нос к носу сталкиваюсь со следователем.

Он отшатывается, и чай из дымящейся чашки, которую он держал на уровне груди, выплескивается прямо на него. Анна ахает, Карелин скрипит зубами, наверняка сильно обжегшись, а я морщусь.

– Простите, – произношу я виновато. – Я думала, вы уже в домике.

– Это заметно, – он окидывает меня выразительным взглядом. – Доброй ночи, – говорит Анне и выходит.

Нужно что-то менять. Если так пойдет и дальше, в отчете он напишет «сама виновата». Уверена, его оправдают.

Глава 2. Мирон

Из плюсов – здесь просто нереально красиво. По-настоящему, без помпезности. Даже отсутствие как таковых благ цивилизации идет этому месту на пользу, а уж расположение – выше всяких похвал. Турбаза стоит прямо на берегу реки с неспешным течением, где в сезон вполне реально искупаться, с трех других сторон окружена лесами, в которых можно поохотиться, имея на то документы, да и подъезд вполне сносный. И тишина.

Я с удовольствием завтракаю приготовленной Анной яичницей и смотрю сквозь панорамное окно теплой веранды на пестрый осенний лес, когда в столовую входит Евгения.

– Доброе утро, – говорит она негромко, держа в руках тарелку с точно такой же яичницей.

Вид имеет если не покорный, то покаянный. Вызывающая бордовая помада отсутствует, ресницы не накрашены, длинные волосы собраны в аккуратный пучок. На ней спортивные леггинсы и рашгارد под горло, и если бы не их цвет (светло-серый), она бы здорово походила на пантерку. Фигурка у нее что надо. В башке вот только опилки.

– Доброе, – отвечаю я ей скупой и возвращаюсь взглядом к тарелке.

– Когда мы пойдем на место, где нашли папу?

Я опускаю вилку и раздраженно смыкаю зубы. Теперь она

будет щелкать у моего носа воображаемым кнутом?

Ядвигаю челюстью, унимая внутреннего беса, скашиваю взгляд и интересуюсь:

– Доесть можно?

– Я не к тому, что нужно все бросить и нестись туда сломя голову, – поясняет она без гонора, чем, признаться, удивляет. – Просто хотела узнать, есть ли какой-то конкретный план действий.

– Завтракаем и выдвигаем, – отвечаю я спокойнее и киваю на лавку напротив. – Рассказывай.

– Почему я пытаюсь лбом пробить стену? – хмыкает девчонка, устроившись напротив. – Это просто. На папе были кроссовки.

– Аргумент, – киваю я на серьезной mine, а она сначала закатывает глаза, а потом наклоняется в бок, заглядывая под стол.

– Вот вы, – говорит она, распрямившись. – Почему не в кроссовках?

– Они грязные, – намерено провоцирую я ее. Понял уже, к чему подводит. Мысль, кстати, дельная.

– Но высокие ботинки вы с собой все же взяли. Потому что прекрасно знали, куда едете. А что, если человек местный, ему должно нравиться выколупывать из себя клещей? Напомню, лето было, самый пик.

– Допустим, обычно он выбирал адекватную лесным прогулкам обувь. Что с того? Это не говорит о том, что в тот

день он не решил обуть кроссовки.

– А что вы скажите о том, что я их не нашла? Ботинок вообще нет на базе. Не слишком ли это странно?

– Странно сначала тыкать и посылать на три буквы, а потом изображать вежливость, – отмечаю я невзначай.

– Комментария по делу не нашлось? – спрашивает она насмешливо, опуская в рот кусочек яичницы и озорно сверкнув глазищами.

Нафига ей вообще их красить? И без того на пол лица. И ресницы длинные, темные от природы.

– Ботинки пришли в негодность, – пожимаю я плечами. – Он их выкинул. Новые тут прикупить негде, а ходить до момента, когда можно будет отправиться в город, в чем-то надо.

– Да они неубиваемые, – бурчит Евгения. – Но, в целом, подходит. Об этом я не подумала, – отвечает она неожиданно, а в моем сердце вспыхивает огонек надежды, что я покончу с этим театром абсурда еще до обеда.

– Это все? Кроссовки?

– Нет. Точнее, не совсем, – не очень уверенно отвечает Евгения. – Я и так крутила, и эдак... все никак понять не могу, как это случилось. Нелепица какая-то. Если упростить терминологию, в отчете патологоанатома сказано, что сначала он повредил щиколотку, затем скатился вниз по склону, упал в воду виском на острый камень, от чего и скончался. Верно поняла?

– Полагаю, ты консультировалась, – отмечаю я с ухмылкой.

– Да, но подтвердите, вдруг мой источник был неправ или упустил что-то важное?

– Прав. Именно так там и указано.

– Я пытаюсь это визуализировать и ничего не получается. Ну, стоит себе человек на берегу. Потом вдруг – бах – повернул ногу. Да так сильно, что не просто осел на камни, а покотился вниз. Как так? Не сходится.

– С чего ты взяла, что он стоял? Он мог идти вдоль берега. Или даже бежать.

– Зачем бежать вдоль каменистого берега? – хмурится Женья.

– Без понятия. Гадать можно до бесконечности. Камер нет, свидетелей нет, факт, что человек, не прикованный к инвалидному креслу мог побежать остается незыблемым.

– Ну например? – не унимается настырная.

– Могло привидеться что-то в воде, – прикинув варианты, выдаю я. – Тонет кто-то. Нужна помощь и быстро. Никто не всплывал дальше по течению?

– Я о таком не слышала, – бормочет она, таращась на меня во все глаза. – Ладно, хорошо, – принимает, тряхнув головой. – А камень? Откуда в воде взялся острый камень? Я отлично знаю этот берег реки, сейчас отмель, сами увидите, что все дно устлано крупными и абсолютно гладкими камнями.

– Откуда угодно, – развожу я руками над столом. И привожу пример, вовремя сообразив, что такой ответ ее точно не устроит: – Тут часто бывают туристы. Кто-то мог сбросить один или несколько камней с берега в воду. Просто так, по приколу, посмотреть, как поднимается столб брызг. Или в исследовательских целях. Вернуться через год и проверить, как природа его видоизменила.

– Один. Такой камень там всего один, – говорит она глухо. – И именно на него папа упал. Виском. Какова вероятность?

– Мала, но она есть. И она подтверждена заключением патологоанатома, – продолжаю я гнуть свою линию.

Вроде бы даже успешно: Евгения замолкает и начинает кушать. Только вот почему-то внутри меня самого засело какое-то скверное предчувствие.

Когда выдвигаемся на место обнаружения тела, я ловлю себя на том, что смотрю не по сторонам, а на нее. Стоило только зайти в лес, как ее повадки изменились. Она двигается, как кошка! Плавно и расслабленно, но это лишь видимость: все ее органы чувств обострены. Я отмечаю, как она чутко ловит звуки, иногда поднимает взгляд к кронам деревьев, и когда я смотрю туда же, вижу птицу или сумасбродную белку, мельком. Но она – слышит. Это прикольно. И совсем не подходит под определение избалованной городской девчонки, которое успело сложиться.

– Часто тут бываешь? – спрашиваю я в продолжении собственных мыслей.

– Любую свободную минуту, – со слабой улыбкой отвечает Евгений. – До папиной смерти. Теперь как-то... не то.

– Понимаю, – отвечаю я серьезно. – Чем занимаешься?

– Как это связано с расследованием? – немного кокетливо интересуется Евгений, мельком взглянув на меня.

Мои губы неосознанно растягиваются в улыбке. Подловила.

– Никогда не знаешь наперед, – отвечаю я деловито.

– Я ландшафтный дизайнер, – удивляет она ответом. – Хочу когда-нибудь открыть свою фирму, но пока не накопила достаточно.

– Зачем тебе копить? – вырывается из меня.

– Кому-то, может, и нравится сидеть на шее у родителей, – пожимает она плечами, – но не мне. К тому же, всем что имеет моя мама принадлежит отчиму, а он и без того сделал слишком многое для меня.

– Здоровая позиция, – произношу я с уважением.

– Что? Не ожидал? – ухмыляется дерзкая девчонка.

– Учитывая, каким образом я тут оказался, нет, – признаю я. – Не ожидал.

– Мне пришлось, – морщится Женя. – И извини за это. Я вполне могу представить, каково это – работать под давлением начальства.

– Приходилось прогибаться?

– В какой-то степени, – отвечает она пространно и замыкается в себе, а я отмечаю, как она машинально покручивает

обручальное кольцо. Похоже, там не все так гладко. Но эта информация точно лишняя.

Дальнейший путь до нужного места мы преодолеваем в молчании, но оно, странным образом, абсолютно не напрягает. Дышится легко, выбранный Евгений маршрут ощущается приятной прогулкой, и хоть мы периодически отклоняемся от курса, я убежден, что неспроста: она знает эти места и отлично ориентируется. Немного напрягает усиливающийся дождь, но, похоже, лишь меня: чуть только начал накрапывать, Евгения загадочно улыбнулась. И только у самого берега я понял, почему.

Я никогда особенно не любил подобный отдых, предпочитая комфортный отель и морское побережье, но природа края завораживает. Равнодушным остаться невозможно, особенно сейчас, по осени, когда листья на деревьях окрашены в красный и все оттенки золота. И едва мы выходим к реке, я понимаю, что значила ее улыбка.

Каждый камень отмели, намокнув, приобрел свой цвет. Будто россыпь разноцветных изумрудов, никогда ничего подобного не видел. Нереально. Но, сука, смотреть надо было под ноги!

– Стой! – выкрикивает Женя, когда я уже занес ногу и перенес на нее вес тела.

Дальше либо шаг на свернувшуюся клубком змею, либо плашмя на нее же. Но Евгения реагирует молниеносно. Она хватает меня за плотную хлопковую куртку и со всей имею-

щейся в ней силой дергает на себя. Мы оба падаем на спины и кажется, до кучи я сильно задеваю ее локтем.

«Ну и кто тут городская девчонка?», – злюсь я на себя, перекаtywаясь на бок.

Приложился о камни я конкретно, но, к счастью, не головой. А вот Женька, получив от меня ускорение, даже вдохнуть полноценно от боли не может.

– Черт, прости, – выдыхаю я с досадой.

Женя скрючивается и толкается лбом мне под ребра. Ее кулаки сжаты, но она по-прежнему не издает ни звука. И не дышит.

– Жень, – зову я ее негромко.

Прикидываю расположение камней, на которые она упала и опускаю ладонь на ее копчик, сообразив, что именно им она и ушиблась сильнее прочего. Хоть как-то пытаюсь унять ее боль, и когда она делает шумной вдох, понимаю, что и сам задержал дыхание в ожидании.

– Фух... – бормочет Женя и садится, морщась. – Щитомордник! – гневно тыкает она пальцем в сторону уползающей, к счастью, в противоположном от нас направлении змеи. – Ядовитый!

– Виноват, – соглашаюсь я без раздумий. – В свое оправдание могу сказать, что первые тридцать лет своей жизни провел довольно далеко отсюда. Там таких видов не было.

– Почему переехал? – интересуется она вскользь, поглаживая ушибленные места.

– У мамы астма. Было совсем не очень в последние годы. Они с отцом случайно оказались в этих краях, ей неожиданно стало намного лучше.

– Ты живешь с родителями? – уточняет она, пытаясь не улыбаться.

– Нет, – ехидничаю я, а она все-таки прыскает и отворачивается, пряча улыбку. – Все переехали, – поясняю я уже нормальным тоном. – Я, брат с семьей, дядя.

– Ого, – искренне поражается она. – С размахом. Вы очень близки, да?

– Какое отношение это имеет к делу? – нагло хмыкаю я, а она в очередной раз закатывает глаза и поднимается первой.

Я смахиваю с лица капли и встаю рядом с ней, осматриваясь. Дождь все накрапывает, что несколько затрудняет задачу, но возвращаться только из-за погодных условий не хочется.

Сначала я осматриваю самую отмель, теперь уже осторожно пройдя по каменистому берегу к склону. Действительно, большая часть камней имеет сглаженную форму, но если посмотреть чуть дальше и левее, то видны и аналогичные тем, на которых я стою.

– Смотри, – показываю я Жене направление, а она морщит нос и бурчит:

– Да вижу я. Когда была тут в последний раз, вода еще так далеко не ушла. Наверное, в самом деле кто-то набросал. Они все примерно равноудалены от берега. А этот... не знаю.

Рука соскользнула.

«Только один у берега, прямо под головой погибшего, да еще и точно в височной области, – размышляю я про себя. – Это действительно странно. И вовсе не потому, что эта заноза не такая уж и заноза, если хоть немного с ней пообщаться».

Я оборачиваюсь на лес и высматриваю дерево, при попытке залезть на которое не опозорюсь. Нахожу отличную сосну, до нижних ветвей которой смогу дотянуться с прыжка, после чего оставляю Евгению смотреть на «убийцу» ее отца. Лично я хочу посмотреть на все свысока.

– Мирон?... – не обнаружив меня рядом, растерянно бормочет Евгения и вертит головой.

– Тут! – отзываюсь я, повиснув на ветке.

– Однако, – брякает она, когда я, подтянувшись, закидываю на ветвь ногу. – А зачем?

– Похвастать, что умею лазать по деревьям, – иронизирую я.

Женя высокомерно фыркает и идет к дереву, по которому я продолжаю взбираться. По пути поднимает приличных размеров ветку, волочит ее за собой. Затем проставляет к стволу, который я обнимаю, как коала. Поднимается и дотягивается до той же ветви, что и я с земли. Задирает ногу и ловко взбирается на дерево.

– Пытаешься меня впечатлить? – посмеиваюсь я.

– Получается? – дерзко осведомляется Евгения, задрав го-

лову.

Я беззвучно ржу и лезу дальше. Когда достигаю приличной высоты, дожидаясь Евгению и отодвигаю ветвь, мешающую обзору.

– Это еще что за фигня? – озадаченно хмурится она. – Ты же видишь? Скажи, что ты тоже видишь.

– Если ты о том подозрительном участке берега метр на метр, явно выделяющегося на общем фоне, то да. Вижу.

– Идеи? – спрашивает она, а я вздыхаю:

– Мангал?

– Сам-то себе веришь? – ворчит она.

Я поворачиваю голову и почти сталкиваюсь с ней нос к носу.

– Нет, – отвечаю я коротко, а она роняет взгляд.

– Вот то-то и оно...

Посмотрев вниз еще внимательнее, я отмечаю несколько углублений, из которых, вероятно, и были изъяты камни для подозрительного участка. А те, что были на их месте, по-видимому, и оказались в воде. Какая-то шизофреничная многоходовочка. Или, как подсказывает нутро, сокрытие реального места гибели мужчины.

– Давай-ка спускаться, – говорю я, сделав несколько фотографий на мобильный. – И осторожнее, все скользкое. Еще одного несчастного случая мне только не хватало.

Настроение дерьмовее некуда. Все это может быть случайностью, все может иметь объяснение, но теперь я просто обя-

зан проверить. То есть, позвонить шефу, доложить об обнаруженных странностях и попросить прислать сюда еще и следователя-криминалиста. И если тот ничего не найдет, об этом случае молва по управлению гулять будет еще долго. Но это – херня. Пусть коллеги упражняются в островах, мне не жалко. Погано то, что я невольно подселил в голову Жени еще большие сомнения. И вот это действительно может стать проблемой.

Ее нога вдруг соскальзывает с ветки, я дергаюсь и поднимаю руки, готовясь ловить, но ей удается удержаться.

– Осторожнее! – прикрикиваю я таким грубым тоном, что у нее надуваются обидой губы.

– Злись сколько угодно, – шипит она дикой кошкой. – А поработать все равно придется.

Злость – плохой советчик. Ее движения становятся резкими, она пытается спуститься быстрее и в какой-то момент крайне неудачно ставит ногу. Мимо ветки.

Женя взвизгивает и, сорвавшись, падает спиной назад, в противоположную от меня сторону. К счастью, она еще достаточно высоко. Я успеваю переместиться в нужную точку и поймать ее, как невесту.

«Чужую невесту», – напоминаю себе, залипнув на ее карих, с медовым оттенком, глазах.

– Спасибо, – лопочет она и первой отводит взгляд.

Я аккуратно ставлю ее ноги на землю и проскальзываю ладонью по спине, прежде чем убрать руку.

– Я люблю свою работу, – пытаюсь я объяснить свою раздражительность. – И улики. Их – особенно. Но эта странность может и не иметь отношения к гибели твоего отца. Достаточно одного шизика, Жень. Или ребенка в сопровождении взрослого, у малышни обычно куча гениальных и одним им понятных идей.

– С последним согласна, – тихо фыркает Женя и улыбается. – У тебя есть дети? – спрашивает она, а потом морщится: – Забудь.

– У меня два пятилетних племянника и одна одиннадцатилетняя племянница. А еще, святая уверенность в том, что правила придумали не зря.

– О чем ты? – приподнимает она густые аккуратные темные брови.

– Нам не разрешают вести дела, связанные с близкими. Это неэффективно.

– Ясно... Наверное, при обычных обстоятельствах, это действительно так. А когда приходится доказывать факт наличия этого самого дела... – она лукаво ухмыляется и легко похлопывает меня по плечу, прежде чем отойти к странному участку берега. Добавляет по пути: – Поборюсь. Что мы будем с этим делать? – спрашивает она спустя несколько секунд, имея в виду подозрительные камни.

– Мы – ничего. Веди меня к зачаткам цивилизации, нужно сделать звонок.

Глава 3. Мирон

Когда обрисовываю Некрасову свою находку, чувствую себя в шкуре Евгении. И по тому, как шеф набирает воздуха перед ответом, понимаю, что свое видение придется отстаивать.

– Карелин, я тебя за каким хером туда послал? – рывкает Андрей Саныч. – Чтобы ты магические символы искал? А ты в курсе, что основная религия у местных – шаманизм? Что это может быть частью какого-то ритуала, например?

– Перетаскивание камней? – с сомнением уточняю я.

– Да черт их знает! – орет Некрасов, срываясь на хрип. – Ты понимаешь вообще, какие ресурсы надо бросить на то, чтобы поковырять эти чертовы камни, Мирон?

– Есть и другой путь, Андрей Саныч. Я в отпуске. Следов насильственной смерти нет. А значит, я могу смело поковырять их сам, набрать банку земли и отвезти ее в частную лабораторию, – раскладываю я ситуацию. – И когда подтвердится наличие крови, Евгения сдаст образец ДНК для сравнения. Подтвердится и родство. И вот тогда это уже будет дело. Только с уликами, собранными не по протоколу, нас разнесет любой адвокат. И оно вряд ли дойдет до суда.

– Да откуда в тебе эта святая уверенность?! Ты ставишь под сомнение компетентность и участкового, прибывшего на место, и патологоанатома, выдавшего заключение. И все из-

за чего? Из-за кроссовок и нагромождения камней?

– Андрей Саныч, нутро горит, – отвечаю я с запалом. – Чувствую я, понимаете? Фотографии – ничто. Это видеть нужно, своими глазами. Приезжайте на выходные, тут еще четыре дома свободно. Я вам гарантирую, у вас ни тени сомнения не останется.

– Верится с трудом, – с неудовольствием отвечает шеф, но на счет командировки, как мне кажется, раздумывает всерьез. Заядлый рыбак он у нас. – Так, зубы мне не заговаривай, – опомнившись, вновь гневается шеф. – Выйди в народ. Если не часть ритуала – пришлю тебе криминалиста.

– Я не пойду, – выталкиваю я из себя через силу, предвкушая бурную реакцию на неповиновение.

– Карелин, мать твою! Ты совсем оборзел?!

– Никак нет, Андрей Саныч, – отвечаю я спокойно. – Если было совершено убийство, то под подозрением автоматом все, в том числе местные. И своими вопросами я могу подтолкнуть злоумышленника на совершение противоправных действий с целью сокрытия предшествующих. А тут гражданская, которую, позволю себе напомнить...

– Затухни, – бурчит шеф, а на моих губах появляется ухмылка. – Лучше бы сам поехал, один геморрой от тебя вечно! Ладно! Малинина отправлю. Вечером будет. С рассветом на место, сразу после – оба обратно!

– Мне логичнее дождаться результатов здесь, – снова перечу я, а Некрасов слышно скрипит зубами. – Логично, Ан-

дрей Саныч, сами знаете, – повторяю я деликатно. – И я в отпуске. По большому счету, могу быть где угодно.

– Уверен, что будет куда из него выходить? – кровожадно интересуется шеф и сбрасывает вызов.

– Последнее явно было лишним... – бормочу я, почесывая затылок. Кто меня за язык тянул?

Я стаскиваю потную футболку и тянусь руками к ширинке, когда под приоткрытым окном со стороны улицы раздаётся слабый хруст. Вытащив ремень из камуфляжных брюк и громко брякнув пряжкой ремня, я с ухмылкой подхожу к окну и резко распахиваю его, выныривая на улицу. Пытающаяся слиться со стеной Евгения морщится и понуро опускает плечи.

Я складываю ремень вдвое, беру его в обе руки и шелкаю им, сначала сведя, а потом резко разведя руки в стороны.

– Намек уловила? – уточняю я, дотянувшись ремнем до ее любопытного носа.

– Уловила, – вздыхает заноза и косится на меня. – Ты правда сделал бы это?

– Высек бы тебя? – Я растягиваю губы в блаженной улыбочке. – С удовольствием.

– Охотно верю, – кривляется Женя и отходит от меня подальше. – Я о том, что ты говорил. Про банку и частную лабораторию. И ДНК. Думаешь, папа погиб на том месте, да?

– Пока это лишь предположение. Которое нужно либо подтвердить, либо опровергнуть.

– И жить дальше, – с печальным смешком добавляет она, вновь касаясь большим пальцем правой руки своего кольца.

– Тебя заставляют? – не выдерживаю я. Киваю на ее руку. Женя так широко распахивает глаза, что я чувствую себя идиотом. – Забудь, – слабо морщусь и вылезаю из окна.

– Не заставляют! – отвечает она громко. – Просто... Пришлось шантажом выпрашивать содействия.

– В смысле? – снова высовываюсь я из окна, упершись ладонями в раму.

Взгляд Жени проскальзывает по моему телу, после чего она устремляет его в сторону. Даже голову повернула, хотя наверняка все еще видит меня боковым зрением. Это так забавно, что я поигрываю грудными мышцами, смущая ее до такого состояния, что она просто закрывает глаза и быстро отвечает на поставленный вопрос:

– Сказала, что свадьбы не будет, пока я не выясню правду. Отчим позвонил знакомому, тот другому знакомому, ну и... тебя выдернули из отпуска.

– Выгнали в отпуск, – поправляю я.

– Ты взял отпуск, чтобы поработать? – она шокировано распахивает глаза и поворачивает голову, уставившись на меня.

– Ключевое слово – выгнали. Дела нет, расследовать официально нечего.

– Теперь ясно, – морщится Женя. – Так что теперь? Криминалист приедет?

– К вечеру. Чем тут можно заняться? Я начинаю сходить с ума, если ничего не делаю.

– Охота, рыбалка, – пожимает она плечами.

– Рыбалка – это как раз про ничегонеделание, – прыскаю я. – И хоть стрелять я люблю, охоту на дух не выношу.

– Серьезно? – удивляется и одновременно радуется Женя. – Я тоже!

– Любишь пострелять? – переспрашиваю я, оставаясь невозмутимым, но внутри меня кто-то громко томно вздыхает.

– У меня есть свое ружье. Со всеми разрешениями, – хвастает девчонка. – Я отлично стреляю.

– Не лучше меня, – хмыкаю я нагло.

– Спорим? – дерзко вскидывает она подбородок, а в ее глазах разгорается огонь азарта.

– На что? – хищно сощуриваюсь я.

Женя с блуждающей улыбкой поднимает взгляд к небу и притопывает ногой, раздумывая.

– Кто проиграл – купается в реке, – выдает она спустя несколько секунд. – Встречаемся через пять минут у колодца.

– Принято, – подмигиваю я ей и скрываюсь в домике.

В крайне воодушевленном состоянии я переодеваюсь и беру ружье, которое прихватил на всякий случай. Раз за разом представляю, как она визжит, выныривая из ледяной воды. Сколько там сейчас градусов? Вряд ли больше пятнадца-

ти. Это будет весело.

На обозначенное место подхожу вторым. Окидываю взглядом ее ружье и насмешливо хмыкаю:

– Итальянское. Губа не дура.

– У папы было, как у тебя, – грустно улыбается она, уставившись на моего монстра отечественного производства. – Но мне с ним тяжело управляться. Под рост и комплекцию не подходит.

Со своим она смотрится ахренительно. Без преувеличения. Идеальные пропорции в обоих случаях, полная гармония. Я снова залипаю, пока она не произносит иронично:

– Затоплю-ка я, пожалуй, баню. Не хочу, чтобы мой единственный шанс разобраться слег со страшным недугом под названием простуда.

– Хо-хо-хо, – ржу я, а она, вздернув нос и лукаво сверкнув глазищами, уходит в сторону бани.

Хороша. Хороша, чертовка!

Жду ее у бани. Когда из трубы появляется дымок, она выходит.

– Сейчас затравка прогорит, добавлю дров и пойдем, – общается она, топчась на месте. – Кстати, о ритуале... – Я вскидываю брови, а она пожимает плечами: – У тебя громкий динамик, а тут тишина.

– Так что с ритуалом? – осуждающе покачав головой, спрашиваю я.

– Я о таком не слышала. В селе живет потомок настоящей-

го шамана, Айдар. Он часто тут бывал, много рассказывал. Иногда так называемые места силы обозначаются пирамидами из небольших камней или одним большим камне, но вот так, как на берегу – это глупость. Просто поменяли одни камни на другие.

– Может, была как раз пирамида? – предполагаю я. – Но кому-то помешала и этот некто сбросил все верхние камни в воду.

– Может, – вынуждено соглашается Евгения. – Правда, раньше ее там не было и почему вдруг это место обрело силу неясно, но в целом – может. Только вот нутро несогласно, не так ли?

– Такое случается. Увлекаешься, видишь знаки там, где их нет.

– А ты увлекся? – спрашивает она, прямо посмотрев мне в глаза.

– Пожалуй, – отвечаю я предельно откровенно. И кажется, мы говорим уже не о деле. Я так точно.

– Спасибо, – возвращает она меня в реальность. – Приятно знать, что хоть кто-то не считает мои доводы чушью. Посмотрю, как там баня.

Она скрывается за дверью, а я зачерпываю холодной дождевой воды из стоящей рядом железной бочки и умываюсь. Помогает слабо, но в мозгах немного проясняется.

На прямой вопрос она уже ответила – замуж она собирается по доброй воле. По любви. Какое я имею право вмеши-

ваться? Да и проблем от этой связи будет больше, чем профита. Красивые девочки всегда возвращаются к богатыньким бывшим. Плавали, знаем. И заморочек на работе не избежать. Уволить не уволят, но и нормальных дел мне больше не видать.

Однако, все доводы разума разбиваются вдребезги, когда я наблюдаю, как она умело заряжает и вскидывает ружье. Внутри аж все замирает. Это красиво. Клянусь, ничего прекраснее в жизни не видел. И если у брата яйца от счастья звенят, когда его жена начинает петь, то это – мой момент абсолютного забвения.

Десять мишеней, десять выстрелов. Она очень хорошо справилась. Не идеально, но близко к этому. И по ее довольному лицу я понимаю, что самое время проиграть. Пусть порадует. Да и мне взбодриться в речке точно лишним не будет.

– Рекомендую пока побегать вдоль берега, – говорю я с ухмылкой, а она пренебрежительно фыркает.

– Меньше разговоров, больше дела, подполковник, – парирует она дерзко.

Десять мишеней, девять идеальных выстрелов. На десятом я лажаю, а она, вдруг рассердившись, бьет меня ладонью по спине и возмущается:

– Это нечестно! Зачем поддаваться?!

– Да я не поддавался! – заверяю я, вытаращив глаза, и пытаюсь не смеяться.

– Я слепая, по-твоему?! Как ты... как ты вообще это сделал? Очуметь... Стреляй еще, – хмурится она и требовательно скрещивает руки под грудью. – Последний выстрел, и чтобы на этот раз по-честному.

Я вскидываю ружье, глядя на нее, и стреляю в сторону. Откровенно понтуюсь, если начистоту. Ни в жизнь бы не попал, если бы не сделал выстрел в нужном направлении последним и хоть на миллиметр сдвинулся с места. Но, цель достигнута. У Жени, смотрящей на мишень, отваливается челюсть.

– Да так не бывает, – ошалело и немного нервно смеется она и накрывает глаза ладонью. – Фокусник, блин. Ладно, это реально круто. Я в шоке.

– Я вижу, – улыбаюсь я. – Но нечестно было не предупредить, что я занимаюсь стрельбой с девяти лет. Так что купания отменяются. А вот в баньку бы я сходил, раз уж натопила.

– Ну, нет, – артачится настырная. – Я свое слово держу. Пошли. Мастер спорта?

– Ага. Из пистолета Макарова.

– Ни разу не стреляла из пистолета, – говорит Женя на ходу. – Наверное, совсем другие ощущения.

– Однозначно, – отвечаю я коротко, засунув поглубже рвущееся с языка «могу научить» и прочие интригующие только меня предложения. И продолжаю заниматься этим до самой реки, хотя она явно ждала продолжения беседы и видно, что

немного огорчилась, когда я заткнулся.

– Так, ну что, – резко выдыхает Женя, сняв кроссовки, в которые, как и я, успела переобуться, и встав у края помоста.

«В одежде?», – думаю я кисло.

– Дерзай, – подбадриваю я ее. – На счет три.

– Раз, – произносит Женя и в следующую секунду спрыгивает с помоста.

В момент, когда она погружается в воду, у меня замирает сердце. А когда темная водная гладь перестает пениться, а она не выныривает, останавливается. И это ни хрена не весело.

Мгновенно скинув кроссовки, я солдатиком прыгаю в воду и достаю ногами до каменистого дна. Открываю глаза и мысленно подгоняю мешающие обзору пузырьки воздуха. Кружа вокруг своей оси и пытаюсь удержаться под водой, шарю руками почти в полной темноте, но так и не нахожу ее, когда грудь начинает раздражать от желания сделать вдох.

Вынырнув, я вновь набираю воздуха и в этот момент вижу пузырьки на поверхности в полутора метрах от себя. Рванув в том направлении, я хватаю уже обмякшую Женю со спины и выталкиваю на поверхность. Быстро достигаю помоста, поднимаю ее и выпрыгиваю сам.

Меня трясет. От холода, от адреналина и, как ни прищербно, от страха. К счастью, это не мешает мне действовать. Припав на одно колено, я укладываю ее сверху, в надежде, что вода вытечет. Сую пальцы ей в рот, проверяя, сво-

бодны ли дыхательные пути, пытаюсь нащупать пульс и принимаю решение о необходимости экстренной сердечно-легочной реанимации.

Момент, когда из ее рта выплескивается вода, навсегда останется в моей памяти. Я с надрывом выдыхаю, быстро переворачиваю ее на бок и сгибаюсь над ней пополам, накрывая собой.

Женя сначала кашляет, а потом начинает плакать навзрыд. Хрипло и так жалобно, что мое сердце сморщивается.

Это моя вина. Она умерла из-за меня! Из-за моих тупых понтов! О чем я вообще думал?!

– Прости меня, – бормочу я, все еще приходя в себя.

Вроде отпускает, но трясоти начинается только сильнее. Женя вцепляется в меня своими ледяными руками, а когда я поднимаю ее, обхватывает мою шею и утыкается в нее носом, продолжая громко истерично плакать.

– Все хорошо, – наговариваю я и несу ее в баню. – Все хорошо, ты жива, все в порядке. Ребра болят? Жень?

– Грудь горит, – через всхлипы сипит Женя. – Там... Ноги свело. Обе-е-е... – хнычет она протяжно.

В бане я открываю парную, чтобы в предбаннике стало теплее. Сажусь с ней на лавку и укрываю ее двумя большими банными полотенцами. Сажу, покачиваюсь, как китайский болванчик. Как когда нянчил племянников. Поглаживаю ее по спине и воспроизвожу белый шум, пока нас обоих не перестает колошматить.

– Почему ты извинялся? – шепчет Женя. – Не хотел меня спасти, но в последний момент передумал? – она тихо хмыкает, намекая на шутку.

– Потому что debil, – приглушенно рычу я. – Этого вообще не должно было произойти. Нужно было сказать, что шансов выиграть спор у тебя нет.

– Какая ерунда... ты же не толкал меня, я сама. Слабость и отвага. – Теперь хмыкаю я, а Женя вздыхает. – Ты спас меня больше раз, чем я тебя, – говорит она завистливо и целует меня в щеку. Точнее, прислоняется к моей щеке губами и носом и долго не отстраняется. А я прикрываю глаза и пытаюсь запомнить, как это, когда они теплые. Когда живые. – Спасибо тебе, подполковник. Больше никогда не буду с тобой спорить. Я умерла, да?

– Если пульс и был, я его не нащупал.

– Я умерла... – растерянно бормочет Женя. – Это страшно. А ведь я даже не успела тебе сказать, что в сейфе нет папиного ружья. Думала, потом скажу, после того как подурачимся с этим стрельбищем. А потом могло и не быть.

Она едва говорит. То шепчет, то сипит. Если бы она не была так близко, я бы, наверное, не услышал. И уж точно не прочувствовал ее оторопь. Это и в самом деле страшно. Я перестремался конкретно, не помню себя в подобном предобморочном состоянии.

– Нет ружья? – спрашиваю я, заполняя паузу.

– Нету... Мне с вещами не отдали, я решила, оно в сейфе.

А он один на все, мое рядом. Столько воспоминаний, я не решалась... до сегодня.

– Я тебя слышал. А теперь услышь и ты меня. Я несу тебя в дом, ты переодеваешься в сухое, собираешь немного вещей, и мы едем в ближайшую больницу.

– Что? Зачем? – пугается Женя. – Я в порядке, только дерет все в груди, но это же пройдет, правда?

– А если я тебе ребра сломал? Или еще какая херня... Нет, не спорь даже. Нужно убедиться. Передам тебя в руки профессионалов, вернусь сюда и дождусь криминалиста. Ты ничего не упустишь.

– Я поеду, но при одном условии, – говорит она, отведя взгляд.

– Я смотрю, ты прям мастер шантажа, – я недовольно кривлю губы.

– Да нет, просто... не хочу ничего упустить, понимаешь? Это слишком важно для меня.

– Давай чуть больше конкретики.

– Не докладывай о происшествии. Меня депортируют силой, – морщится Женя и преданно заглядывает мне в глаза. – Обещаю, больше никаких сумасбродных поступков.

– Обещаешь? – хмурюсь я.

– Честное пионерское, – заверяет Женя, хлопая длинными ресницами.

Ну вот как тут не поверить?

– Ты, пионерка, – шикаю я на нее, а она изворачивается и

снова припадает к моей щеке, прошептав:

– Спасибо...

Несколько напрягает огромный камень на ее помолвочном кольце, впившийся мне в шею, но диагноз можно ставить и без поездки в больницу.

Я официально поплыл. Надеюсь, не кверху брюхом.

Глава 4. Мирон

С рассветом, на пару с криминалистом, выдвигаемся на место обнаружения тела. Сергей Малинин поглядывает на меня такими хитрющими глазами, что я заранее предвкусываю, какие разговоры пойдут по управлению. Но его настрой резко меняется, когда на берегу он поднимает в воздух квадрокоптер.

– Весьма любопытно, – констатирует он, посадив «птичку». – Да епрст, – кривится криминалист, убрав несколько камней с подозрительного участка и копнув землю. – Зелено тут у вас.

– Кровь? – уточняю я.

– Походу, – бубнит Сергей себе под нос. – И сравнить не с кем. То круги вокруг да около нарезает, а как реально дело пошло – хвостом крутанула и вспоминай, как звали. Бабы...

Я только руками развожу, мол, а что поделать. Самого аж выкручивает. Как она там? Все ли в порядке? И позвонить тянет, и рано еще. Написать вроде можно, но вдруг разбужу? Тоже не дело.

– Она расческу оставила, – говорю я заранее заготовленную фразу. – Можно взять образец, чтобы не стопориться. С устного разрешения. Потом уже подпишет бумажки.

– Давай, – без энтузиазма отвечает Малинин. – Надень перчатки, помоги камни снять.

Вообще, Серега – профи. Из всех наших криминалистов он самый дотошный, и сегодня я лишний раз убеждаюсь в этом. Оформляет – не подкопаешься. Все по баночкам, все по пакетам, все промаркировано и отснято четко по протоколам. Не ленится копнуть и рядом, что дает свои плоды. задолго до лаборатории понимаем, что нашли место смерти. Надо подтвердить, но и без того очевидно, что у мужчины было два ранения. В височной области, что подтверждено фотографиями, и в районе голени. Положение тела при падении неизвестно, в отчете патологоанатома ни слова, так что о локализации второго пока приходится только догадываться. Но факт его наличия открывает новые двери в расследовании.

Малинин также берется за опровержение утверждения, что место обнаружения является местом смерти. Делает фотографии склона, измеряет его угол и все перепады высот. Позже в спокойной обстановке высчитает скорость падения и возможные траектории и наверняка разнесет вдребезги заключение участкового. Но тут пока без претензий: каждый работает согласно своей компетенции.

О чем это говорит мне? Что пора точить вилы.

То, что патологоанатом скрыл следы – железобетонно. Конечно, придется дожидаться официальных результатов экспертизы, прежде чем наезжать, но одно то, что в его отчете недостает такой детали как факт перемещения уже мертвого тела говорит о многом. Его рыльце точно в пушку, и лучше

бы мне проверить догадку до того, как Женя вернется на базу.

– Так, я закончил, – сообщает Малинин. – Ты несешь банки с землей и булыжник.

– Понял, – коротко отвечаю я.

Да, тот самый камень-убийцу он тоже решил прихватить. В отчете патолога есть на удивление подробное описание полученной раны (что несколько настораживает), плюс фотографии участкового и заключение прибывшего на место обнаружения сельского медика. В общем, проверять нужно все и досконально.

Едва оказываемся в зоне действия сети, мне приходит сообщение. Аж зудеть все начинает от желания прочитав его, но, руки заняты. Сначала провожаю в путь криминалиста, смиренно дохожу до домика и сдавленно ржу, прочитав послание от Евгении:

«Ну?!».

«Гну», – отвечаю я с ухмылкой и расслабленно растягиваюсь на кровати.

«Криминалист приехал? Вы были на берегу?», – допытывается она, а я пытаюсь уговорить взбеленившееся вдруг сердце.

«Сначала ты», – отвечаю я через минуту.

Женя сразу же перезванивает и шипит:

– Твоими стараниями мне сделали даже то, что не нужно. Аж КТ головного мозга. Электро-чего-то-там, ЭКГ, рентген

и выкачали пол-литра крови.

– И?

– Ребра целы, все показатели в пределах нормы.

– Для здорового человека или для утопленника? – уточняю я.

– Не придирайся, – отмахивается Женя. – По крови результатов еще нет, врач сказал, с обходом.

– Девушка, можно потише, пожалуйста?! – доносится до меня возмущенный женский голос.

– Ой, да что вы говорите? – язвительно пищит Женя мимо трубки. – Что вы мне ночью сказали, когда я попросила храпеть хотя бы в стену?

– Хамка! – отвечает ей женщина.

– Хватит собачиться, дайте поспать... – стонет третья женщина. – Можно же в коридоре поговорить, правда?

– Спать она сегодня тоже в коридоре будет? Капельница у меня! – огрызается Женя. – Ты еще тут? – говорит она уже в трубку.

– Ага. Вспоминаю, как хотел попросить отдельную палату, но ты встала в позу. – Женя показательно тяжело вздыхает. – Прогноз какой?

– Завтра повтор исследований, послезавтра до обеда выписка. Так что там?..

– Криминалист только уехал. Взял кучу проб, забрал камень из воды, полазил с рулеткой, зафиксировал все с высоты птичьего полета. Как доедет – еще плюс минимум сутки

на исследования, – намерено скрываю я свои догадки, чтобы не дергалась.

– Как же нудно ждать... – жалуется Женя. – Ладно. Будут новости – звони.

– А просто поболтать? – хрипловато посмеиваюсь я.

– Если захочешь... – мямлит Женя и следом выпаливает: – Пока!

Ответить даже не успеваю: она сразу отключается. С тупой блаженной улыбкой я таращусь в потолок, потом, опомнившись, звоню в больницу и договариваюсь, чтобы ее перевели в отдельную палату. Эта настырная коза точно не рыпнется, будет преодолевать до победного.

«Надеюсь, она такая не во всем», – думаю я вскользь, коснувшись царапины на шее, оставленной ее кольцом.

За завтраком прошу Анну составить мне компанию. Именно она первой забила тревогу, позвонила участковому и нагнала местных для поисков не вернувшегося из леса Виктора.

– В показаниях вы указали, что он часто охотился в ночь, – завожу я беседу. – Почему именно в тот раз почуяли неладное?

– Не знаю даже, – вздыхает женщина. – Сердце с самого утра было беспокойно. Он ушел, ничего не сказал. Обычно, если собирался в ночь, предупреждал, чтобы я не дергалась. Вот и получалось, что сам не планировал. Так и догадалась, что что-то не так.

– Вы были близки? – задаю я обыденный вопрос, а щеки Анны наливаются девичьи румянцем. – Простите, я обязан спросить.

– Да, но не в том смысле. Я живу на базе с пятнадцати, Виктор старше на десять лет... Он всегда относился ко мне как к младшей сестре. Ну и я, соответственно, ставила его на одну ступень с Мишей.

– А Миша – это?..

– Мой брат. Ему было всего девять, когда наш папа погиб на охоте. Мама скончалась еще раньше, и так вышло, что отец Виктора приютил нас. Они с папой были давними друзьями. Папа был егерем, – поясняет она немного путано.

– Михаил, как я понимаю, на базе не живет?

– Нет, Миша после армии пошел в техникум, отучился на плотника. Заметили, может, какая красивая резная стойка на входе? И рама для зеркала. Вот это все он, своими руками.

– Заметил, – киваю я и хвалю: – Очень достойная работа.

– Одна из первых, – охотно хвастает достижениями брата Анна. – В городе у него своя небольшая мастерская, изготавливает мебель на заказ.

– Бывает тут?

– Да, как может часто. Они с Виктором до сих пор охотятся вместе. Охотились, – поправляется она и опускает уголки губ. – Никак не привыкну... Виктор, считай, воспитывал его, они были очень близки. И во взглядах схожи. Миша тоже никогда не выходил в лес ради забавы, все строго по делу.

Если егеря просили помочь отрегулировать популяцию или засеять кормовые поля. Или с проверкой.

– С проверкой? – приподнимаю я брови.

– Да, знаете, в последние годы у нас засилье браконьеров, – морщится Анна. – Ставят эти свои ловушки, вешают петли, капканы раскладывают у кормовых полей. И ведь иногда даже не проверяют. Так жестоко. Животное попадает в плен и не может выбраться, погибает от ран и истощения. Ужасно.

– Да, согласен, – хмурюсь я.

Браконьеры? Это уже любопытно.

– Бывало, знаете, ночью даже по лесам гоняли. Зайцев с машин фарят, те по струнке. А это запрещено ведь. Вообще ночная охота с осветительными приборами. Виктор пресекал, если рядом кто попадался. Один у нас квадроцикл стоит, старенький уже, но на ходу. Подрывался, прыгал за руль и стрелял в воздух. Сделать-то ничего не может, для задержания полномочий нет уже даже у егерей. Но распугивал, уезжали. Такая вот война с ветряными мельницами.

– В тот день вы слышали выстрелы?

– Да я уже и внимания не обращаю, если честно, – смущенно улыбается Анна. – С одной стороны общедоступные охотугодья, с двух других – частные. То и дело кто-то стреляет, сезон у нас круглогодично, только на разную дичь. А у меня на базе хлопот хватает, и руки, и мысли заняты.

– Пока гостей не принимаете, как я понял?

– Женя так велела. Да и я с ней согласна. Как я тут од-

на? Разные приезжают, кто-то выпить любит... За порядком всегда следил Виктор. А я одна что могу? Боязно. Даже не знаю, что теперь будет. Пока не погнали – живу.

– Есть куда податься в случае чего?

– К Мише, разве что, – пожимает она плечами. – Судьбу встретить не довелось. Но брат звал, сразу же. Как схоронили, говорит, давай, собирай вещи. Но я так злилась в тот день, как никогда раньше. До сих пор как вспомню, руки дрожат. Ну и на Мише сорвалась. Стыдно, конечно, но он понял, не настаивал больше.

– Почему вы злились? Из-за того, что все так внезапно? – почуяв неладное, спрашиваю я. С трудом могу представить сидящую напротив женщину в гневе. Кажется, она даже голос повышать не умеет.

– Женечка купила отцу новый костюм. Хороший, дорогой, в охотничьем магазине. Защитного цвета, вроде вашего. Ботинки новые, даже футболку в цвет подобрала. А его... – в ее глазах образуются соленые озера слез, а нижняя губа оттопыривается и дрожит. – Простите, – проговаривает она быстро. Зажмуривается и отворачивается от меня. Справившись с собой, вытирает выступившие слезы. – А его одели в какой-то ужасный классический костюм. Коричневый, как земля. И галстук черный, под самое горло. Мы как увидели в морге... Я чуть сознания не лишилась. Женечка хай подняла, думала, порвет их там всех.

– И как они это объяснили? – задаю я уточняющий во-

прос.

– Перепутали! – всплескивает руками Анна, а по ее щекам вновь бегут ручейки слез, собираясь крупными каплями на подбородке и падая под собственной тяжестью на растрепованную воспоминаниями грудь. – Представляете? Уж не знаю, в канцелярии ли, или санитар уже, не признались. И того, другого, в вещах Виктора уже увезли, родственники на отпевание торопились. Женя хотела снова ехать в тот охотничий магазин, но от морга это три часа на машине, да обратно. Игорь, отчим Жени, успокоил ее, они поговорили и решили оставить как есть.

– Вы не согласны с таким решением?

– У меня нет права голоса, – горько пожимает она плечами. – Я и тут-то на птичьих правах...

– И все же?

– Ну какой ему галстук? – тяжело вздыхает Анна. – Отродясь ничего подобного не носил. И ботинки лакированные. Кто знает, по размеру ли? Неудобно ему теперь там, на том свете... Ох, не могу! – она взмахивает рукой и, суетливо поднявшись, быстрым шагом уходит из столовой.

Галстук, значит... С этим уже можно работать.

Доев холодное, я выезжаю в морг. Теперь, когда очевидна вовлеченность патологоанатома, ясно, что и происшествие с перепутанной одеждой не случайно. Хотя, понимаю, почему Женя о нем не упомянула: тяжело связать с гибелью.

Если допустить, что патолога запугали, картинка склады-

вается. Когда поступило тело, он сделал все как должно. То есть, провел вскрытие, следы которого впоследствии и пришлось прикрывать застегнутой на все пуговицы рубашкой и галстуком. Но, будучи человеком ответственным, он все же оставил подсказку – тщательным образом описал рану. Уверен, когда криминалист произведет все расчеты, мы убедимся, что эту рану Виктор не мог получить при падении со склона.

Но есть и другие варианты. Например, патологу дали взятку. И тогда описание раны – это просто описание раны. И внимание ей он уделил, чтобы убедить семью погибшего в том, что именно она и стала причиной смерти. Не удивлюсь, если оно подогнано под нужные показания, то есть, заведомо ложное. Таким образом, пока Малинин не сделает свою работу, козырять корочкой рано. Пойдем другим путем.

Спустя два часа я оказываюсь в первом от турбазы крупном селе. Том самом, в больнице которого сейчас находится Женья, и в котором расположен нужный морг.

Покорно отстояв очередь в канцелярию, захожу в тесный кабинет с двумя заваленными бумагами столами, пожелтевшими от времени жалюзиями и заставленным комнатными цветами подоконником.

– Уютно, – со слабой улыбкой произношу я, а молодая женщина за одним из столов (второй в настоящий момент пустует) приподнимает голову. На вид ей чуть за сорок, одета скромно и опрятно, волосы собраны в пучок. Приятная, с

открытым теплым взглядом. – Добрый день.

– Здравствуйте, – вымученно улыбается женщина. – Я вас слушаю.

– Я по очень деликатному вопросу, – бормочу я и хватаюсь за спинку стоящего у ее стола стула. – Позвольте?

– Да, садитесь, – пожимает она плечами, окидывая меня настороженным взглядом.

А я переоделся. Сменил походный прикид на вполне городской: черные брюки и белую рубашку. Часы, подаренные братом, тоже не забыл. А стоят они черте сколько, делая из небрежно закатанных рукавов рубашки закатанные стильно.

– Пару месяцев назад моя невеста лишилась отца, – поясняю я цель своего визита, не глядя на женщину. – И это и без того трагическое событие омрачилось неприятным происшествием. В морге перепутали одежду, – последнее произношу, прямо взглянув ей в глаза.

– Помню такое, – бурчит женщина, отводя взгляд. – И мне жаль, правда. Я тут уже больше десяти лет, и подобное случилось впервые.

– Как вас зовут?

– Татьяна.

– Татьяна, я бы хотел разобраться с ситуацией. Видите ли, Евгения... очень переживает. Жалее, что не настояла на том, чтобы переодеть отца. Тогда хотелось поскорее придать его земле, а теперь... – старательно навожу я тень на плетень.

– Но что я могу сделать? – слегка разводит руками Татьяна.

на.

– Я бы хотел добиться справедливости. Кто совершил эту ошибку, прошу, скажите? Не хочется писать официальное заявление, но услышать извинения – да.

– Я все оформила корректно, уверяю вас.

– Татьяна, – укоряю я ее взглядом. – Прошу, не вынуждайте меня начать эту войну. Ведь если начнется доскональная проверка соответствующими структурами... кто знает, к чему это приведет. И ограничится ли одним увольнением.

– Санитар, допустивший эту ошибку уже уволен. На этом настоял патологоанатом. Он не приемлет подобной беспечности. А Виталий он... он был пьян. Тяжелая работа, и физически, и морально.

– Где я могу найти Виталия? Я хочу поговорить с ним, понять, как это случилось. Уверен, это поможет Евгении справиться с потерей. Когда виновный обезличен, на него так просто злиться, понимаете? А когда это живой человек, со своими переживаниями... я просто хочу, чтобы она жила дальше.

Женщина тяжело вздыхает и ненадолго прикрывает глаза.

– Я не знаю точного адреса. Да и фамилии...

– Хоть что-нибудь, Татьяна, – прошу я с придыханием, подавшись вперед.

– Кажется, он живет где-то на Молодежной, в частном секторе, – бормочет Татьяна, отъехав на стуле чуть назад. – И у него серая «нива», он на ней приезжал на работу. Это все,

правда.

Тепло поблагодарив женщину, я выхожу на улицу. Смотрю на часы и решаю для начала заехать в больницу, раз уж оказался поблизости. Интересно, что она любит? Фрукты, сладости? Цветы явно будут перебором. Все-таки, помолвлена. И пока не со мной.

Прорваться в больницу оказывается делом непростым: часы посещения больных только с четырех, сейчас – час. Но я уже настроился, да и обед стынет, так что...

– Подполковник юстиции старший следователь второго отдела по особо важным делам Карелин Мирон Владимирович, – произношу я с каменным выражением лица, раскрыв свое удостоверение перед носом охранника. Он выразительно водит носом, принюхиваясь к ароматам из пакета, который я держу во второй руке. – Мужик, ну, – прошу я уже по-свойски, захлопнув корочку. – Не могу в другое время, дел по горло.

– Иди, подполковник, – хмыкает охранник.

– А где одноместные, сориентируй?

– Утопленница в пятой, третий этаж, – ухмыляется охранник. Похоже, слухи уже поползли. И черт с ними.

– Понял, – улыбаюсь я всеми зубами разом. – Родина тебя не забудет.

– Ага, Родина, – тихо ржет охранник, а я бодро вышагиваю по пустому холлу.

В палату не стучу, заглядываю. Женя лежит на животе и

дрыгает согнутыми в коленях ногами, наверняка под музыку (в одном ее ухе я вижу наушник). На ней какой-то бархатистый спортивный костюм бордового цвета, вызывающий острое желание потискать ее, а волосы небрежно собраны в гульку, что делает ее образ домашним. Она подоткнула под грудь подушку и копается в своем планшете, не замечая, как я подхожу.

Когда чувствует движение, поворачивает голову и в ее обращенном на меня взгляде читается шок и паника. Резко сев, она поправляет кофту, трет глаза и пытается незаметно пригладить волосы, маскируя жест под снятие наушников.

– А, подполковник, – брякает она, шаря взглядом по комнате. – Какими судьбами?

– Бургер будешь? – спрашиваю я, подходя ближе.

– Ты привез мне покушать? – лопочет Женя.

– Когда я в последний раз лежал в больнице, жрать хотелось сильнее, чем выздороветь.

– Обслуживание тут так себе, – бурчит она, покосившись на дверь. Я достаю из пакета коробочку и протягиваю ей. Еще одну – для себя. Устраиваюсь на стуле возле ее кровати. Женя шумно сглатывает и вгрызается в булку. – Как вкусно... – бормочет она с набитым ртом, от удовольствия прикрыв глаза. – Спасибо, – добавляет, прожевав и проглотив. – Куда нарядился?

– Пообедать в приятной компании, – хмыкаю я, а она роняет взгляд. Такая милаха, когда смущается. Наверное, не

стоит добавлять, что это свидание. – Как самочувствие?

– Как будто воскресла, – мрачновато ухмыляется Женя. – Врач сказал, что очень хорошо для моей ситуации. Хвалил тебя. Быстро сориентировался и все такое... Согласна с ним.

– Молодец ты. Дыхалка что надо. – Женя неестественно улыбается и продолжает кушать, отведя взгляд. – Страшно было?

– Ужасно, – признается она, опустив уголки губ. – Не знаю, как не закричала. И не спала я не из-за соседки. Глаза закрываю – темнота. И сразу паника начинается. Пройдет, – добавляет она бодро и растягивает губы в улыбке.

Я пересаживаюсь на кровать и обнимаю ее за плечи свободной рукой. Женя немного напрягается, но не гонит, что, вообще-то, хороший знак. Но есть одна проблемка.

– Покормишь меня? – Я поворачиваю к ней голову.

– Вот еще, – фыркает чертовка, бросив на меня озорной взгляд. Демонстративно откусывает от своего бургера.

– Сама напросилась...

Не снимая с нее руки, я дотягиваюсь ей до бургера, сминая девчонку. Откусываю, а она давится смехом с набитым ртом.

– Ты мне мешаешь! – хохочет она уже в голос, пытаясь откусить от своего бургера из-под моего и не измазаться в соусе.

Сидим, дурачимся, как вдруг дверь в палату резко распадается и входит женщина в розовом хлопковом костюме.

По-видимому, дежурная медсестра.

– А это еще что такое за безобразие?! – восклицает она, уперев руки в бока.

Я откашливаюсь, силюсь придать своему лицу строгое выражение и завожу свою шарманку:

– Подполковник юстиции...

– Я те щас дам подполковник! – шикает медсестра, перебив меня, а Женя заливается смехом, низко опустив голову. – А ну марш отсюда! Подполковник! Нет, вы посмотрите только!

Я снимаю с Жени руку, сам уже с трудом сдерживая смех, медсестра подгоняет меня требовательным взглядом и взмахом руки, но я жду, когда возмутительница моего спокойствия поднимет голову. И когда она это делает, целую ее в щеку.

– До встречи, – говорю я негромко и сразу же выхожу из палаты, прихватив недоеденный бургер. – Ты ходишь по очень тонкому льду, подполковник, – бормочу я вслух, выйдя на улицу.

Я ерошу волосы и кажется, чувствую на своем затылке взгляд. Прикинув расположение палаты, я оборачиваюсь и замечаю в окне Женю. Она тут же юркает в сторону, а я с ухмылкой иду к машине.

На Молодежной улице оказываюсь минут через десять, пять из которых доедал свой обед. «Ниву» нахожу без труда, но проезжаю мимо, даже не притормозив.

Занятная тачка. Вылизанная, фары нештатные, как и сиденья в салоне. Но само по себе это бы не напрягло, если бы не машина соседа через дорогу, стоящая под навесом и за каким-то хером еще и прикрытая брезентом. И вот уже она заслуживает отдельного внимания. Если судить по очертаниям и торчащим из-под полотна колесам, это какой-то пикап, причем, модифицированный для передвижения по пересеченной местности. Идеально для браконьерства.

Глава 5. Мирон

Поймав более-менее стабильное соединение с сетью, я останавливаюсь и звоню своему, пожалуй, единственному другу, которым обзавелся уже после тридцати и который по счастливой случайности теперь занимается подержанными тачками.

– Димон, здоров, – бросаю я приветствие и сразу перехожу к делу: – Есть дряхлая «нива» в загашнике?

– Здорова! – бодро отзывается Дмитрий. – Две на ходу, еще три на приколе.

– Отпад. Планируй командировку, мне срочно нужно прикрытие.

– Легко, но с Мариной Анатольевной сам будешь договариваться, – предупреждает Дмитрий, имея ввиду свою супругу.

Я передергиваю плечами, как и всегда, когда его жена, миниатюрная миловидная блондиночка, открывает рот и басит матом, и бурчу:

– Анфиса договорится.

– Тебе какую? – повеселев, уточняет Дмитрий.

Вообще, Дмитрий примерный семьянин. С криминальным прошлым, которого если не стыдится, то презирает уж точно. Что, однако, не мешает ему с энтузиазмом соглашаться на любую авантюру.

– Ту, что твои парни смогут пригнать до места и отчалить. Ты нужен на своей, мне нельзя палиться.

– Харя у тебя не треснет? Мои парни зарабатывают на безбедное будущее моих детей, права не имею дергать. Пригону сам, тебе номера левые привинтим.

– Так даже лучше.

– Само собой, это же я предложил, – самодовольно парирует Димон. – Мне до дома двадцать минут. Будь зайкой, успеешь подстелить соломку.

Отлично зная, по сколько Марина и Анфиса, жена брата, могут разводить треп, без промедлений набираю последней.

– А можно Дима выйдет погулять? – канючу я, опустив приветствие.

Анфиса звонко хохочет и говорит своим коронным учительским тоном:

– Только недолго. Что у вас? – любопытничает она.

– Не имею права разглашать, – рапортую я.

– Это если бы было дело, – хитренько отвечает сестренка, и сдавленно ржу уже я. Конечно, она в курсе происходящего, Тихон поделился и информацией, и фотографией Жени. – У тебя хорошее настроение, – отмечает она немного напряженно.

– Так о чем конкретно ты хочешь узнать? – уточняю я, а она выразительно вздыхает. – Я влип. Довольна?

– Спрашиваешь, – фыркает она весело. – Ну ты давай там, не лажай. Я в тебя верю.

– Она помолвлена, Анфис, – говорю я уже серьезно.

– И что? – осведомляется она с вызовом. – Кто бы он ни был, ты – лучше. Если она не дура, поймет это. А на дуру она, в отличие от твоей бывшей, не похожа. Все, на связи, наберу Марине. Люблю тебя.

– Взаимно, сестренка, – заторможено отвечаю я уже после того, как она отключается.

Отправляю Димону точку и откидываю сиденье, решив прикинуть расклад.

Вспоминая слова Анны, можно предположить, что браконьерство в этих краях – налаженный бизнес. Возможно, организован грамотный сбыт дичи, а может – целое туристическое направление. На таких тачках можно покатать городских мажоров, алчных до адреналина, со всеми удобствами. Да и извращенцев, любящих издевательства над животными, хватает. И Виктор, похоже, был той еще проблемой.

Что же произошло в тот день? Столкновение? Виктор припугнул браконьеров, но они решили ответить взаимностью? Как вариант. Тогда, расстреляв все патроны, он мог скинуть ружье и попытаться спастись бегством. Все еще велика вероятность несчастного случая, но и не исключаю, что мужчина после падения на берег еще какое-то время был жив. Дезориентирован после удара головой о камень, ранен, но не в состоянии себе помочь. И попросту истек кровью. Или его все же добили, испугавшись последствий, после чего по той же причине попытались замести следы. И если бы

не чутье и исключительное упрямство одной несносной девчонки...

Мои мысли так быстро меняют направление, что приходится придать своему телу менее расслабленное положение. Воображение у меня всегда работало на должном уровне.

Итак, злоумышленники скрыли следы на месте преступления. Все выглядит как несчастный случай. По фотографиям – в том числе. А значит, можно сделать вывод, что участковый и сельский медик не участвуют в сговоре. Тем более что последний отказался выдать медицинское заключение о смерти и направил тело в морг.

В морге в штатном режиме приняли тело, после чего вскрыли, наверняка следуя четкому протоколу. Злоумышленники узнали об этом. Как? Да тот же санитар и рассказал (вероятно, в момент вскрытия была не его смена, от того и случилась накладка). Они запугали или подкупили патологоанатома, прикрыли следы вскрытия, причем буквально, то есть, одеждой, придумали эту дикую историю. Сам санитар уволился для правдоподобности. Пока складно.

Еще раз прокрутив версию в голове, звоню Некрасову.

– Андрей Саныч, нужна поддержка с воздуха, – говорю я после приветствия.

– Что у тебя? – ворчливо отзывается шеф.

Малинин уже наверняка добрался и доложил о находках, так что сообщаю только о результатах проведенных следственных мероприятий и излагаю свою теорию.

– Пока есть только домашний адрес санитара и его соседа. Было бы не лишним знать, к кому я собираюсь постучаться.

– Высылай, выясню. И давай там аккуратнее. Стажер твой где?

– В безопасном неведении, – отвечаю я бойко.

– Правильно. Если с ее головы упадет хоть волосок, под увольнение пойдем оба.

– Там настолько сильные связи? – напрягаюсь я.

– А ты думал, я просто так этой херомантией занимаюсь?! – моментально выходит из себя шеф. – Как только появятся вещественные улики, мы либо сворачиваемся, либо заводим дело. В любом случае, я довольно скоро избавлю тебя от нее. Но пока – даже не дыши в ее сторону. Понял меня?

– Само собой, – отвечаю я собрано и прощаюсь.

Херня-с.

К моменту, когда за моей машиной останавливается покусанная ржавчиной «нива», я уже изучаю данные на санитара и его соседа.

К биографии санитара не подкопаешься. В морге он работал последние семь лет, женат – более пятнадцати. Есть двенадцатилетний сын. А вот чего у него нет, так это судимости за пьяную драку с летальным исходом. В отличии от его соседа.

Я выхожу из машины и подаю руку счастливому до безобразия Дмитрию.

– Ну и корыто, – морщусь и смеюсь я, окинув свое «при-

крытие» взглядом.

– Да лан, бегают норм, – встает на защиту автомобиля Димон. – Какой план?

– Поставим тачку в укромное местечко, перекинем номер и разыграем небольшой спектакль.

Минут через сорок мы уже катим по Молодежной. Я проезжаю мимо дома санитара, затем резко бью по тормозам и сдаю назад. После чего мы оба выходим из машины и через забор пялимся на ухоженную «ниву» санитара до тех пор, пока из-за дома на выбегает пацан, «отстреливаясь» от кого-то из палки.

– Здорова, малой! – зычно шумлю я и приветливо поднимаю руку. – Отцова? – Я кивком указываю на машину.

– Ну и? – настороженно хмурится пацан и косится в сторону.

– В дом! – слышим мы суровый мужской голос, а следом и видим его обладателя, невысокого жилистого мужичка в спортивных брюках и футболке с коротким рукавом не по погоде.

– Но пап! – артачится пацан.

– В дом, – повторяет мужчина строже, и мальчик, раздосадовано отшвырнув палку и бросив на нас косой взгляд, заходит в дом. Мужчина подходит ближе, оставшись за забором. – Чего вам? – спрашивает он враждебно, набычившись и выпятив грудь.

– Не смогли проехать мимо, – улыбаюсь я, снова кивнув

на машину. – Сам делал?

– А что? – Мужчина хмурится только сильнее.

– Да у меня батина в гараже гниет, – охотно делюсь я. – Вроде и на ходу, но видок уже так себе. Там сечет, тут капает, – покачиваю я головой. – Особо не покатаешься. Подумал, будет прикольно подлатать. Погоняем, как в старые-добрые. Он у меня давно на другую пересел, но воспоминания за бабки не купишь.

– Сам, – коротко отвечает мужчина, мельком взглянув за наши спины. – Но заказы не беру.

– Да ладно тебе, мужик! – разочарованно восклицаю я. – Заплачу, не обижу! Сам запчасти приволоку какие надо. Мог бы, сам и собрал, но руки под это дело не заточены.

– Ладно, погнали дальше, – негромко говорит Димон, хлопав меня по плечу. – Помешали человеку, не видишь, что ли?

Он пытается утащить меня к машине, но я упираюсь и дергаю плечом, сбрасывая его ладонь.

– Да погоди ты. Мужик, запиши номер, а? Вдруг передумаешь? Вот не поверишь, за живое прям! Как представлю, как батя обрадуется, натурально ком в горле. Ну? Запишешь?

– Какого года? – немного смягчается мужчина.

Я с воодушевлением сообщаю характеристики и протягиваю руку над забором, представляясь:

– Мирон.

– Виталий, – отвечает он взаимностью.

– У отца день рождения через пару месяцев, – сообщаю я, хитро сощурившись. – Уважь, а?

– Привози, – сдается Виталий, но добавляет строже: – Ничего не обещаю. Посмотрю, что можно сделать.

– Спасибо! – радуюсь я, сам поверив в свою легенду. Снова протягиваю ему руку и долго трясусь. – Завтра с утра и пригоню, идет?

– После девяти. Сына в школу надо отвести.

– Отлично! – На эмоции я обнимаю и хлопаю по спине Димона. Тот сдавленно ржет и качает головой:

– Как ребенок.

– Иди нахер, – отвечаю я ему с широкой улыбкой, и посмеивается уже и Виталий. Мы садимся в машину и я, подняв на прощание руку, трогаюсь с места. Прячу улыбку. – Школа на соседней улице. А пацан взрослый уже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.